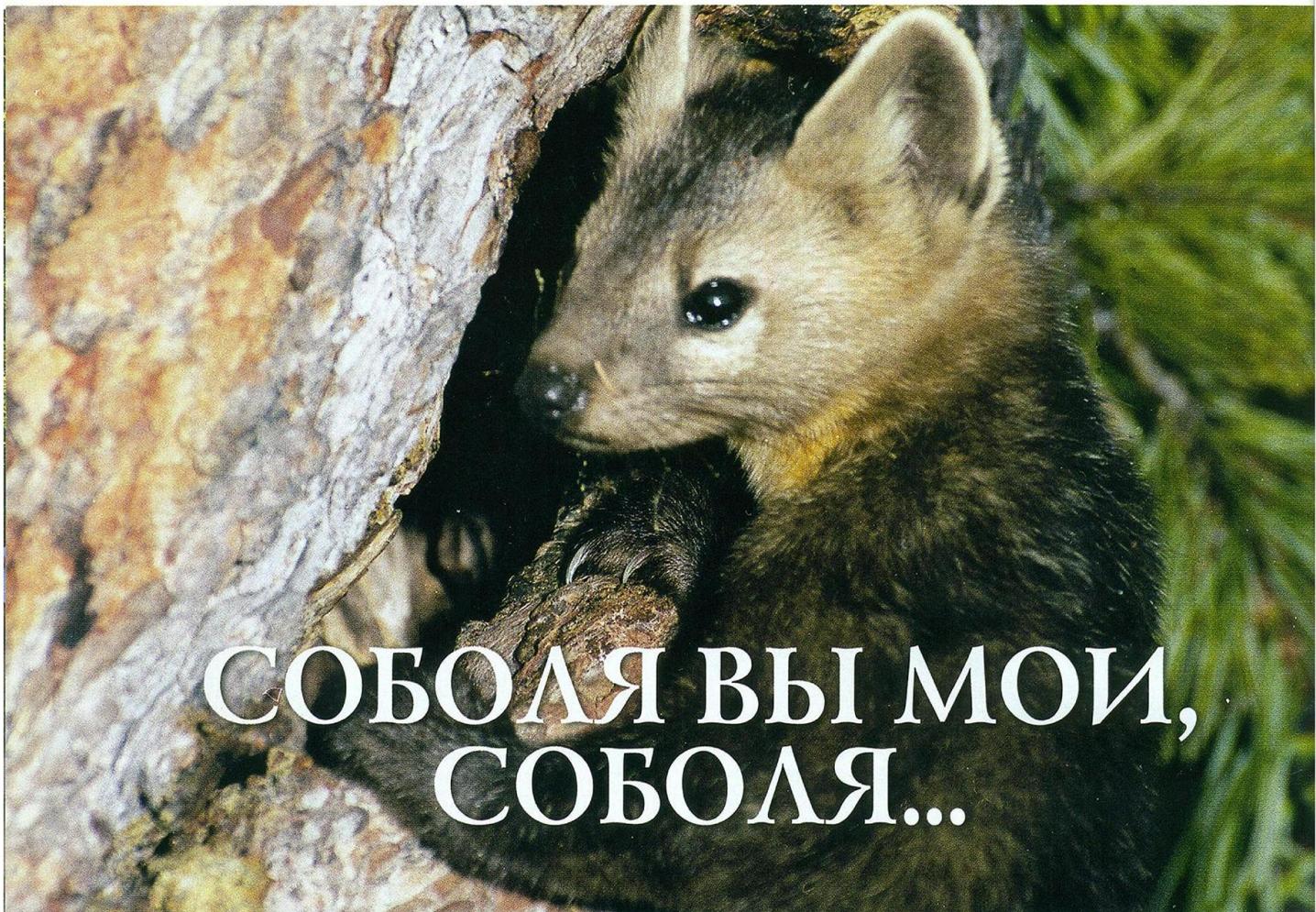

ТЕКСТ: АЛЕКСЕЙ ВАЙСМАН | ФОТО: ДМИТРИЙ БАХОЛДИН, АРСЕНИЙ КРЕЧМАР, МИХАИЛ КРЕЧМАР

СОБОЛЯ ВЫ МОИ, СОБОЛЯ...

Соболь более других животных, как реально существующих, так и населяющих мир человеческой фантазии, заслуживает быть изображенным на гербе России. Этот зверек сыграл ни с чем не сравнимую роль в формировании Государства Российского. Именно высокой цене на его шкурку обязана Россия своими сегодняшними территориями, простирающимися до границ Евразии. Путь всех первопроходцев от Ермака и до Атласова был дорогой к землям, где «соболя и всякого зверя много ж, а соболи добрые, черные». Границы России восточнее Урала и границы ареала соболя – поразительное совпадение...

Соболь – это альфа и омега пушного промысла в России. И в XXI веке роль промысла как основы социальной структуры сельских поселений таежных районов Сибири и Дальнего Востока и экономического существования населения сложно переоценить.

Соболь – это что за зверь?

Соболь – *Martes zibellina* – относится к роду куниц, входящему в семейство куньих, отряда хищных. Ближайшими его родственниками являются лесная куница, каменная куница, харза, обитающие в Евразии. Имеются у него родственники и в Новом Свете, где живут куница-рыболов (фишер) и американская куница.

ГОСУДАРСТВО НА МЕХОВОЙ ПОДКЛАДКЕ

В истории российского государства пушнина, «мягкая рухлядь», всегда играла важную роль. Как предмет товарообмена меха бобра, лисицы, соболя и других зверей упоминаются уже в документах, относящихся к IV веку. В Древней Руси пушниной платили дань, выдавали жалованье, одаривали иностранных государей, награждали своих и иностранных подданных.

Русские меха вывозились в Константинополь, в страны мусульманского Востока и в Западную Европу. Восточные писатели IX–X веков сообщали, что «купцы из страны Рус» привозили превосходнейшие меха выдр, черных лисиц,

соболей, белок, горностаев, куниц, бобров. Размах древнерусского пушного экспорта доказывают даже языковые заимствования – так, по-гречески «белка» будет βερβερίτσα (от древнерусского «веверица»), в арабский язык наименования соболя и бобра так же пришли из русского. В западноевропейские языки соболь тоже вошел с русским именем: в немецкий – как Zobel, а в английский – как sable. Да и латинское видовое название соболя – zibellina, явно родом с Руси.

Ибн-Русте, восточный ученый-энциклопедист первой половины X века, приводит цены на меха. Так, шкурка куницы на Руси стоила один дирхем (серебряная арабская монета весом около 2,5 граммов), а белка – 4-5 шкурок за дирхем.

Цены на пушнину были стабильны на протяжении не скольких веков. Говорили дирхем, подразумевали куницу (куну) и наоборот. Поэтому, когда в XI веке на Руси случился кризис монетной чеканки и монеты не чеканились более двух столетий, пушнина заменила металлические деньги. Деньгами в XI-XII веках стали куны, векши (белки), резаны, ногаты, мордки.

Вплоть до середины XVIII века в России отсутствовала золотодобыча в сколько-нибудь значимых объемах, и практически все золото, из которого чеканилась монета, изготавливались ювелирные украшения и дорогая утварь, поступало в обмен на меха из стран Западной Европы и Востока. И это золото стало финансовым фундаментом создания централизованного государства на территории Московской Руси. Обладая практически неограниченными меховыми ресурсами и не имея конкурентов в меховых поставках в арабские страны, в Византию, в государства Европы, Русь неуклонно наращивала свою мощь.

Добытчики пушнины в официальных документах послемонгольской Руси именовались бобровниками, хотя, конечно, добывали они не только бобров, но и всякую другую пушину. И к этим бобровникам – добытчикам, по современному говоря, валютоемкой продукции, центральная московская власть относилась бережно, если не сказать – трепетно.

Бобровники имели неслыханные по тем временам привилегии. Территориальные объединения бобровников – станицы, включавшие иногда десятки малых деревень и замок, пользовались правом самоуправления. Из своих «лучших» людей они выбирали управленцев всех уровней – тиунов, праведчиков, приставов и доводчиков, которые подчинялись не местной власти, а только Великому князю. Бобровники были освобождены от уплаты местных поборов и починностей, они не платили мыта – сборов за проезд через заставы внутренних таможен. Суд бобровники вершили промеж себя сами под руководством выборных волостелей, и только дела о «заведомо лихих людях» и смертоубийстве выносились на княжий суд. Все привилегии бобровников и принципы их самоуправления были детально прописаны в специальной грамоте Великого князя. Надо отметить, что государь не питал иллюзий в отношении честности местных властей и прекрасно понимал, что для местных князьков и воевод не подчиняющиеся им бобровники, через чьи руки проходят большие ценности, – и бельмо в глазу, и

ТЕХНИКА ПРОМЫСЛА

кость в горле. И на местах всенепременно постараются из бобровников выдвинуть свою «долю малую». Поэтому Великий князь, подписывая грамоту, собственноручно приписал: «А черезъ сю мою грамоту кто изобидить чѣмъ, быти имъ отъ меня Великаго Князя въ казни».

Высокая товарная стоимость мехов во многом была причиной масштабных политических процессов на востоке Евразии. Процессов, аналогичных тем, что происходили в Западной Европе и Новом Свете. На русских землях, как и в Западной Европе, ко второй половине XV века сложилась более-менее устойчивая политическая система. И на Востоке, и на Западе шел рост населения. Стало не хватать ресурсов, способных обеспечить растущие экономики государств. Требовались деньги. И нарождающиеся нации зашевелились. Сначала сил хватало только на то, чтобы взять то, что плохо лежало поблизости. И Европу охватили войны Реформации, в ходе которых молодые и хищные государства германоязычных народов кроваво делили богатства Римской католической церкви, накопленные за тысячу лет ее господства на их землях. А Великому Московскому княжеству, скинувшему татарское иго и утвердившему женитьбой Ивана III на Софье Палеолог – наследнице цареградских императоров – сакральную преемственность с Византией, понадобились большие деньги на строительство государственности: Москва – Третий Рим!

В начальный период своего послемонгольского становления Московия не располагала доступом к пушным богатствам Поморья, Биармии (нынешние Пермь и Коми) и Югры – данников Великого Новгорода, не зависимого от московского Великого князя. Из-за этого случилась серия «меховых» войн с Новгородской республикой. Сначала задача присоединения новгородских земель к русским не ставилась – решался вопрос перехвата путей пушной торговли

Настоящая статья подготовлена по материалам, полученным автором в ходе его работы в WWF России в 2000-2013 годах, в Охотдепартаменте Минприроды России и в ФГБУ «Центрохоконтроль» в 2013-2015 годах. Также использованы материалы, любезно предоставленные кандидатом сельскохозяйственных наук С.И. Миньковым (ВНИИОЗ).

С ДОБЫЧЕЙ

ПОСТАНОВКА КАПКАНА

и вывоза пушнины в Ганзу. Для Новгорода потеря этих доходов означала больше, чем для современной России значило бы прекращение международной торговли угледородами. Но, несмотря на накопленные богатства и военно-техническое превосходство, сытая компрадорская олигархическая республика вчистую проиграла небогатому, но молодому и зубастому централизованному Московскому государству.

Аппетит приходит во время еды. На Западе молодые нации устремились в дальние пределы за золотом Америк. У русского государства вместо океана за Волгой и Вяткой расстипалось бескрайнее «море тайги», которое манило своими богатствами. Поэтому выход Московского государства за восточные границы тогдашней русской ойкумены был столь же неотвратимым и пассионарно сокрушительным, как и завоевание Нового Света европейцами. Слабый барьер из поволжских ханств – эпигонов некогда могущественной Золотой Орды – был снесен, земли между Волгой и Камнем (Уральским хребтом) быстро осваивались. На первых порах это пионерное освоение приведенных под высокую царскую руку земель выражалось именно в организации сбора пушного налога – ясака – с туземного населения. Найти новые земли, поставить острог, примучить местного князца и обложить аборигенов ясаком, здесь и сейчас снять с новых земель «жирные сливки» – вот заветная цель тогдашних «конкистадоров».

А дальше – больше, и русские люди, подпоясавшись саблей острою, взяв пищаль, свинца да «огненного зелья», пошли за Урал. Там, на великих просторах, не утруждая себя поиском металлического золота, которое в Московской Руси ни искать, ни добывать не умели, «конкистадоры расейские» занялись добычей знакомого «мягкого золота». И сами старались, и ясак драли. Переливы меха сибирских соболей оказались не менее притягательны, чем мерцание золота инков. Бескрайние уходящие на север и восток дали

манили несметными соболиными богатствами. Так и шли за соболем, пока не прошли всю Азию вдоль и насквозь, до самого Тихого океана. Быстро прошли. Между тем, когда Ермак Тимофеевич, перейдя Урал-Камень, заложил на реке Тобол первый острог, и днем, когда Дежнев сотоварищи на коче обогнули Чукотский Нос – самый восточный мыс Евразии, позже названный его именем, – прошло всего 80 лет!

Из быстро осваиваемой русскими Сибири в Москву нарастающим потоком хлынул ясак. Много пушнины шло из Сибири и помимо ясака: русские поселенцы ее промышляли, по дешевке у аборигенов скупали за ножи-топоры-бусы, а то и просто насильно отнимали купцы и барыги разной степени жуликоватости и склонности к разбою. Что у иностранных, что у своих крещеных пушнину покупали за недорого, но в Западную Европу, а уж тем более в Персию или Китай¹ меха продавались за настоящую цену. Доходы царской казны выросли небывало, что и сыграло в очередной раз важную роль в непростой истории государственного устройства Руси.

МЕХОВАЯ ПОДУШКА БЕЗОПАСНОСТИ

В начале XVII века случилось Смутное время – остройший политический и экономический кризис государства, усугубленный климатическими пертурбациями начала докатившейся до Руси третьей фазы Малого ледникового периода². В результате междусобойной войны и разбойниччьих

¹ Персия и Китай – два богатейших государства того времени. По сравнению с китайскими императорами и персидскими шахиншахами все европейские короли – нищеброды и оборванцы.

² Третья фаза Малого ледникового периода – самая холдная – обрушилась на Русь сразу и со всей лютостью. В 1601–1605 годах в июле и августе выпадал снег, нередки были ночные заморозки, а реки замерзали уже в августе.

ТЕМА НОМЕРА

СОВОЛЫ МОИ, СОВОЛЫ...

действий иноземных отрядов хозяйственная жизнь центральных областей Московского государства была разгромлена. Основа существования – сельское хозяйство – пребывало в полном упадке из-за череды страшных недородов и из-за того, что целые волости обезлюдили, а пашни были заброшены. Летописец Троице-Сергиева монастыря плача писал, что народ «бредет розно», а поля уж который год не паханы и заросли «ины в куст, ины в кол, а ины в бревно».

Страна была на краю гибели. Но продолжающееся независимо от хаоса в центральной части активное завоевание Сибири и текущие в казну пушные доходы позволили государству на удивление быстро оправиться от страшного разорения и повести активную политику в западном направлении, возвращая калужские, брянские, смоленские и иные отчаянно супостатами русские земли.

В середине XVII века доля пушнины в формировании доходной части бюджета Московского государства составляла не менее 20% в самые неудачные для промысла годы. Роль, которую сыграли в русской истории сверхдоходы от продажи мехов, сопоставима по значению с современным нефтегазовым экспортом. Масштабные петровские реформы были бы невозможны без накопленных на пушной торговле богатств – иначе тех просто не на что было бы проводить.

Современники прекрасно понимали роль соболя как основного побудительного начала к освоению бескрайнего «Сибирского царства». И отдали зверьку должное, поместив его на гербы многих сибирских городов.

ГЕРБ НОВОСИБИРСКА

ГЕРБ ЕНИСЕЙСКА

В XIX–XX веках промысел соболя продолжал оказывать огромное влияние на экономическую жизнь и сибирского населения, и всей страны. В 1920–1940-е годы в экспорте из СССР пушнина входила в первую тройку, уступая лишь экспорту пшеницы и, в отдельные годы, нефтепродуктов. Годовой оборот аукционной площадки в советские времена доходил до \$150 миллионов. Еще тех, вполне полновесных долларов.

ПРО ПОДОРВАННЫЕ ЗАПАСЫ СОБОЛЯ И ИХ ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Рассматривая историю соболиного промысла в контексте отечественной истории, в рассказе про XX век не избежать разговора про то, как советские охотоведы спасали соболя.

В течение последних 50–70 лет обязательным местом любых работ, посвященных соболю, является тезис о том, что

при проклятом царском режиме в результате многолетнего и регулярного перепромысла соболя случилось его хищническое истребление. Далее обычно следует каноническое описание восстановления его популяции и, соответственно, промысла в прежнем масштабе в результате титанических усилий по акклиматизации и строгому регулированию промысла.

И правда, еще за несколько десятилетий до октябрьского переворота специалисты писали о заметном сокращении добычи соболя, приводя в качестве доказательств свидетельства старых охотников. И причиной называли самое очевидное – чрезмерный промысел. Но закрадывающиеся сомнения заставляют копать глубже.

Во-первых, не очень понятно, как можно так лихо выловить из огромной Сибири всего соболя. Особенно если учесть, что населения там немного, а те орудия, что использовали промысловики (шомпольные кремневые винтовки-сузунки полукустарного изготовления и традиционные стационарные самоловы), трудоемки в изготовлении и дают большой процент проловов.

Во-вторых, а откуда мы знаем, что соболя и вправду стало меньше? Его что, кто-то считал? Нет. О численности судили по рассказам охотников и по торговой статистике.

Первый источник, как известно, особого доверия не заслуживает. Представим себе, приехал в сибирское село человек. Одет по-городскому, да еще, скорее всего, в фуражке какого-нибудь ведомства. В общем – начальство. А на Руси испокон веков известно: от начальства добра не жди, правды ему не говори и держись подальше. Если расспрашивает, как живешь, да что и сколько добыл, да почем продал, то самое лучшее – прибедняться. Чем меньше про твое добро знают, тем оно целее будет. А попросит барин, чтобы ему тайгу да зверей-соболей показали, то мы со всей душой, сводим, покажем. Но далеко-то он и сам не пойдет, а в ближних тайгах, ясно дело, все повыловили. Походит он, посмотрит – и правда, пропал соболь, за три дня только один старый след и видели. А про прошлые годы ему деды с радостью наврут сорок бочек арестантов. Отчего не рассказать про то, что соболей раньше было – бабы их прямо на улицах в селе палками били! И что всякого другого зверя куда больше нынешнего, и рыба была крупнее, а девки были, не поверишь, барин, – во! от бока до бока ходить надо! Не то что нынешние пигалицы – взглянуть не на что, тыфу!

Вполне хорошая служба статистики, сложившаяся в Российской Империи в последней четверти XIX века, так и не могла составить сколько-нибудь реальной картины того, что происходило на уровне охотников и низовых скупщиков пушнины. Все занижали данные – из опасения налоговых и иных неприятностей. Только на уровне оптовой торговли оценки были более-менее достоверными. И эта статистика не показывает снижения объемов продаваемой пушнины в течение второй половины XIX века. По данным Н.В. Туркина, известного общественного деятеля начала XX века и исследователя русской охоты, за десятилетие (1885–1894 годы) суммарный привоз соболиных шкурок на Якутскую, Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки вырос в 2,5 раза. Промысел соболя за тот же период, по данным

ТЕМА НОМЕРА

СОБОЛЯ ВЫ МОИ, СОБОЛЯ...

исследователя, вырос пропорционально. А потом, в первое пятилетие XX века объем вывоза соболя из России упал почти в три раза. Но! Ровно в той же пропорции упал и вывоз других видов пушнины – песца, лисы, сурка, о перепрограммировании и хищническом истреблении которых никто речи не вел. Вывод – причина чисто экономическая, гримасы рынка, флюктуации спроса в силу переменчивости моды³. Значит, сокращение вывоза произошло не из-за истощения ресурса, а из-за падения спроса на русскую пушину.

Конечно, была объективная причина локального снижения численности соболя, а местами и его исчезновения. Это разрушение мест обитания, уничтожение кедровых лесов на огромных площадях. При строительстве Транссибирской магистрали тайга загоралась сотни, если не тысячи раз. В иных местах леса выгорали на 200 верст от железной дороги. Свою лепту в уничтожение лесов внесла и политика переселения крестьян. Прибывавшие переселенцы садились на землю и немедленно начинали расчищать ее под пашню и луга. Срубленный лес жгли, а часто лес жгли и на корню. Для рытья ям делали «пожиги» – огромные костры для оттаивания мерзлоты. Лето в Сибири жаркое и сухое – прогретые солнцем и насыщенные смоляным духом кедрачи пылали, как керосином облитые. Беда в том, что выгорали именно кедровые леса. Соболь экологически накрепко привязан к кедру и кедровому ореху. А на огромных пространствах на месте выгоревших кедрачей вырастали леса березово-тополевые, смешанные, лиственничники и сосняки. Модная нынче и везде рекламируемая производителями столярных изделий «ангурская сосна» – это лес из сосновых боров, выросших на месте выгоревших в конце XIX – начале XX веков кедровых лесов.

Советская власть не моглапустить такое выгодное дело, как пушная торговля, на самотек и сразу же установила государственную пушную монополию. Вскоре за объявлением монополии на пушнину были установлены твердые закупочные цены, оказавшиеся в шесть раз ниже тех, которые давали частники. Но государство было еще слабым и не смогло вытеснить частника из заготовок пушнины. НЭП оживил экономическую жизнь страны, и в сезон 1923-1924 годов объемы заготовки пушнины соболя были уже вполне сопоставимы с таковыми в лучшие довоенные годы и росли на 15% в год.

Но коммунистическое государство не могло мириться с такими наглыми успехами, и начиная с сезона 1926-1927 годов утвердилась система госзаготовок, основанная на твердых ценах. Результат не замедлил себя ждать – уже через год экспорт соболиных шкурок упал вдвое, на следующий год заготовки пушнины были провалены начисто. И за это надо было отвечать головой. Вот в этот-то момент и был выдвинут постулат о хищническом истреблении соболя в результате нечеловеческой эксплуатации трудовых охотников заимодавцами-заготовителями, за спинами которых стояли капиталисты, помещики и иные царские прихвостни. Объяснение было идеологически верно, все объясняло и все списывало, а желающих что-либо возразить по этому поводу не нашлось.

Идея о соболе, пострадавшем от классово чуждых хищнических действий, оказалась на редкость плодотворной. Она позволила не только оправдать провал заготовок и развал целой высокодоходной отрасли народного хозяйства, но и, при творческом развитии постулата о хищническом истреблении, создавала отличные перспективы для разворачивания работ по «спасению» соболя. А магия слов «пушнина» и «соболь» обеспечили на десятилетия вперед финансирование этих работ и вполне комфортное существование исследователей и в жизни, и в науке.

Храни меня бог от мысли бросить камень в кого-нибудь из тех, кто честно посвятил себя нелегкому делу изучения и расселения соболя, действительному восстановлению цельного его ареала. Охотничье ресурсоведение и наука о комплексном и неистощительном использовании возобновляемых природных ресурсов таежной зоны вышли из этих работ. Благодаря тем, кто с ружьем за плечами и карандашом и блокнотом в руках мерил ногами бесчисленные километры тайги, кормил комарье и мерз уочных костров, тонул на переправах, мы все еще «впереди планеты всей» во многих отраслях практической зоологической науки, особенно на стыке ее с вопросами техники промысла, экономической организации и социологических аспектов охоты. Добрая память отцам-основателям и мэтрам советского охотоведения, обратившим идеологическую дурь властей на пользу науке!!! Они честно и трудно работали.

³ В первое десятилетие XX века в Европе вошли в моду меха экзотических животных – обезьян, кенгуру, сумчатых медведиков (коал).

Я не встречал ни одного полевого зоолога, который бы заработал «горы золата да палаты каменны». Букет честно заработанных болезней – да, это у каждого из них имеется.

Но так все же, было катастрофическое падение численности соболя в России в конце XIX – в начале XX веков или не было? Доподлинно это не известно.

В себя промысел соболя начал приходить только в 1950-е годы. Но ни твердые заготовительные цены, ни возможность приобретения дефицитных товаров через систему Роспотребсоюза не могли удержать добывчиков в узде. Пушнина – это большие и быстрые деньги. Черный рынок пушнины в СССР сложился с конца 1950-х – начала 1960-х годов. Тогда рост доходов части городского населения создал платежеспособный спрос на предметы роскоши. Цены складывающегося черного рынка оказались в разы выше государственных заготовительных. И даже угроза уголовной ответственности по статье 166.1 УК РСФСР не помогала. В итоге к середине 1970-х годов доля, как тогда стыдливо говорили, «соседания» пушнины в среднем достигла 50% и более, доходя в ряде мест до 75%.

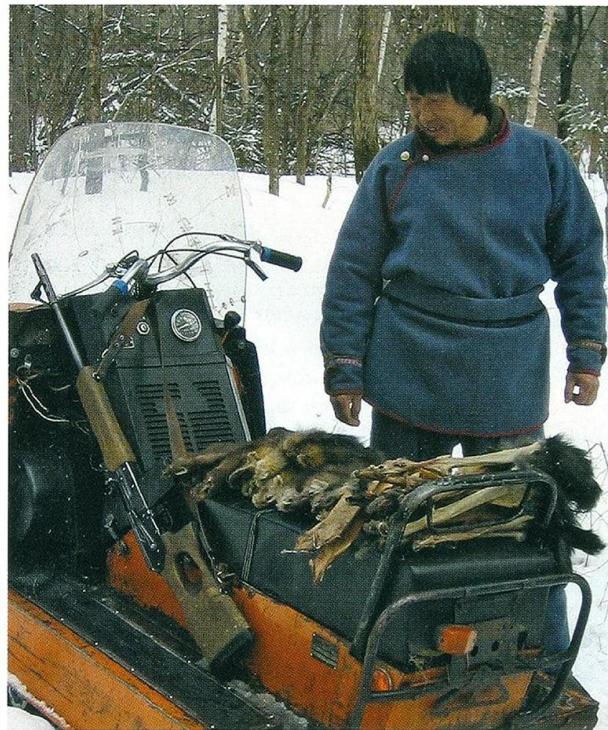
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБОЛИНОГО ПРОМЫСЛА

С государственной точки зрения самое важное в использовании любых ресурсов – это правильная организация процесса. В случае самовоспроизводящихся биологических ресурсов – организация их неистощительного использования. Для этого в первую очередь необходимо располагать сведениями о состоянии промышляемых популяций (численность, половозрастной состав, распределение по территории внутри ареала, миграции, болезни и тому подобное) и знать число изымаемых зверей. Именно в этом и состоит главная проблема современного российского соболиного промысла. Нет ни надежных сведений о численности и состоянии популяции соболя в различных местах его обширного ареала, ни достоверных данных о количестве добываемых шкурок. Достоверность официальных отчетов в пушном промысле всегда вызывала вопросы.

И тут случилось чудо...

С исчезновением системы государственной заготовки пушнины исчез и черный рынок пушнины – все стало открытым потому, что прятаться стало незачем.

Теоретически добыча и транспортировка добывших соболей и пушнины охотником, а также их скупка возможны только при наличии талона разрешения на добычу. Для дальнейшего оборота пушнины скупщик, приобретающий пушнину у охотника, обязан получить ветеринарные свидетельства на приобретенную пушнину, подтверждающие, что она вывозится из благополучной в ветеринарном отношении местности. Данные свидетельства получаются у государственных ветеринарных врачей, при этом номера разрешений на добычу в ветеринарных свидетельствах не указываются, и последние только подтверждают отсутствие инфекционных заболеваний, которые могут передаваться с пушно-меховым сырьем. Весь оборот пушнины соболя после скупки ее от охотников, в том числе и поступление на аукцион, происходит на основании этих ветсвидетельств.

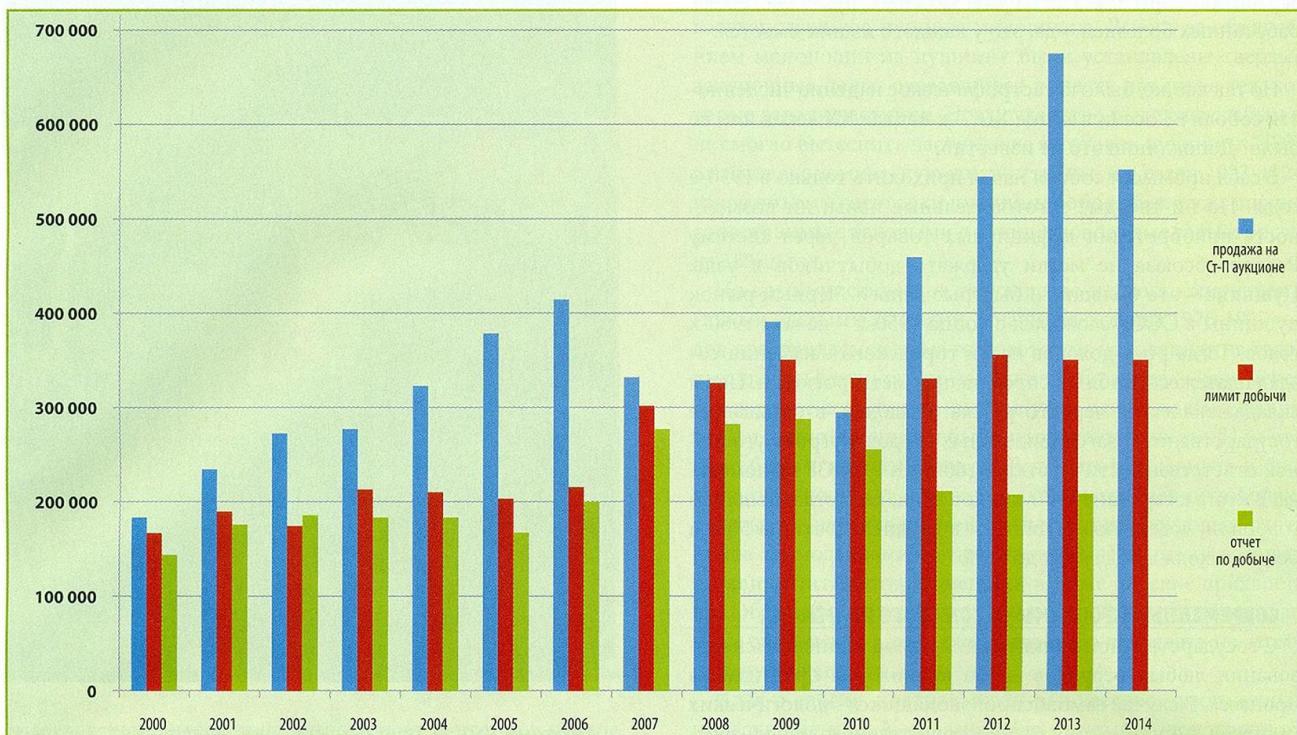
Поэтому нынче «купцы», приобретая пушнину у охотников, никак не интересуются законностью ее происхождения. Эта ситуация дала возможность с достаточной достоверностью оценить истинные объемы рынка и добычи соболя в России. Черного рынка нет, все соболиные шкурки выходят на легальный рынок, и почти все они продаются за рубеж через Санкт-Петербургский международный пушной аукцион (МПА), потому что это выгоднее. Аукцион – дело прозрачное. Все данные о выставленных лотах пушнины и о количестве проданных шкурок можно найти в открытом доступе на сайте Союзпушнины. И это лучше любых отчетов уполномоченных госорганов отражает истинное положение дел.

А положение – аховое. Сравнение объемов продаж шкурок соболя на Санкт-Петербургском МПА с лимитом на его добычу и с официальными отчетами о добыче соболя выявляет чудовищное несоответствие. Начиная с 2000 года количество проданных шкурок превышает суммарный лимит добычи соболя. Эта разница увеличивается год от года, и в 2013 году превышение продаж над лимитом было почти двукратным – 193%. Разница между объемом продажи и объемом официальной добычи была еще больше и в 2013 году составила 323%.

Всего за десять лет, с 2004 по 2013 год, на Санкт-Петербургском аукционе продано 4,14 миллиона шкурок, суммарный же лимит добычи соболя за этот период составил менее 3 миллионов особей, а легальная его добыча, по отчетам, составила всего 2,28 миллиона. Таким образом, объем продажи за десять лет в 1,4 раза превысил суммарный лимит добычи и в 1,8 раза – объем официальной добычи.

Например, в Эвенкии в 2013 году при лимите добычи, равном 22 тысячам соболей, ветеринарных свидетельств

ГРАФИК 1. СРАВНЕНИЕ ОБЪЕМА ПРОДАЖ СОБОЛЯ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МПА С ЛИМИТОМ ЕГО ДОБЫЧИ И ОБЪЕМОМ ОФИЦИАЛЬНОЙ ДОБЫЧИ

было выдано на 115 тысяч шкурок. В 2011 году из Томской области вывезено 37 598 шкурок соболя (при лимите добычи 8040), а в 2012 году – 59 663 шкурки при лимите добычи 9019 особей. Не отставал и Красноярский край, откуда в сезон охоты 2011-2012 годов при лимите добычи 63,6 тысячи соболей вывезли 240 тысяч шкурок.

Сходная картина отмечается и в других промысловых районах Сибири и Дальнего Востока.

В результате того, что теперь практически любое количество добытых без разрешений шкурок можно легализовать как добычу КМНС, «процент освоения лимита», то есть количество соболей, разрешения на добычу которых были оплачены, снизился в 2014 году до 48%. Эти соболя, за добычу которых государство получило по 120 рублей за го-

лову, составляют, в свою очередь, менее 30% от количества выставленных на аукцион шкурок соболя.

За период 2004-2013 годов при более чем двукратном росте продаж на аукционе и при соответствующем росте объемов добычи поступление в бюджет средств от уплаты сборов за добычу соболя увеличилось всего на 14%. Совокупные потери бюджетов субъектов Российской Федерации за этот период составили около 260 миллионов рублей. При этом общий объем реализации шкурок соболя, добытых без разрешений, в сумме составил \$344,12 миллиона.

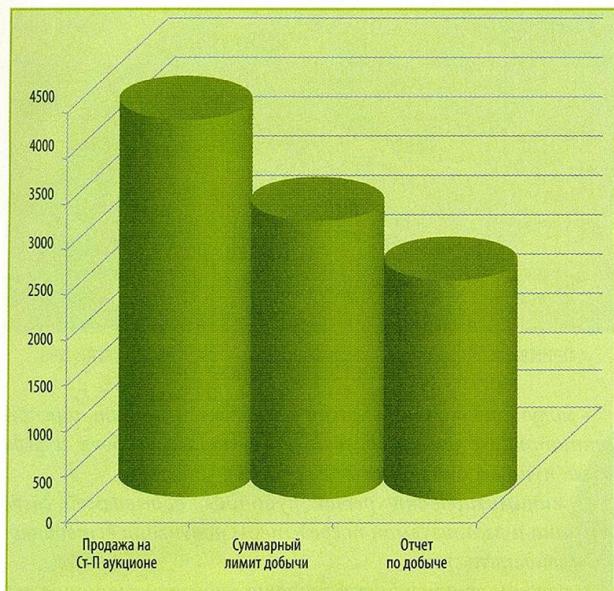
ЧТО ТОМУ ВИНОЙ?

Главная причина – несовершенство законодательства. В статье 19 закона «Об охоте», посвященной охоте в целях

ТАБЛИЦА. ЧИСЛЕННОСТЬ, ДОБЫЧА СОБОЛЯ И ОБЪЕМ РЕАЛИЗАЦИИ ШКУРОК СОБОЛЯ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МПА

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Продано на Санкт-Петербургском аукционе	322 371	378 881	415 429	332 823	328 549	391 442	294 979	459 389	544 780	674 886	519 127
Лимит добычи	210 422	201 902	215 680	301 410	327 520	350 437	330 754	330 984	356 337	350 041	489 249
Отчет по добыче	183 234	169 754	198 912	275 867	282 056	287 777	255 143	211 139	207 613	209 046	234 964
Объем сборов за добычу (тысяч рублей)	22 000	20 400	23 870	33 100	33 850	34 533	30 617	25 337	24 914	25 086	28 196
% освоения лимита	87,1	84,1	92,2	91,5	86,1	82,1	75,6	65	58,26	60	48

ГРАФИК 2. ОБЪЕМ ПРОДАЖ СОБОЛЯ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МПА, ЛИМИТ ЕГО ДОБЫЧИ И ОБЪЕМ ОФИЦИАЛЬНОЙ ДОБЫЧИ ЗА 2004-2014 ГОДЫ

обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, заложено большое внутреннее противоречие. С одной стороны, эта статья устанавливает, что «охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется свободно (без каких-либо разрешений) в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления», а с другой стороны, говорит, что «продукция охоты, полученная при осуществлении охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, используется для личного потребления или реализуется организациям, осуществляющим деятельность по закупке продукции охоты». В результате смешиваются понятия «охоты в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности» и «промышленной охоты», то есть коммерческой деятельности, осуществляющейся с целью извлечения прибыли.

К тому же в стране начисто отсутствуют система контроля над оборотом пушнины соболя и способы регулирования этого оборота, а в первую очередь такие механизмы, считающиеся во всем мире важнейшими, как идентификация законности происхождения шкурок и прослеживаемость (транспарентность) товарных цепочек. Достоверный контроль над объемом изъятия соболя утрачивается уже на этапе закупки шкурок от охотников. Легальная и нелегальная добыча смешиваются, и это не позволяет отслеживать ни объемы, действительно добытые КМНС, ни шкурки, добытые другими категориями охотников и введенными в легальный оборот по «серым» схемам. Все это открывает широчайшие возможности для легализации и реализации браконьерской добычи.

Второй причиной, способствующей росту сверхлимитной добычи соболя, является сама система добычи по платным разрешениям, которые охотник-промысловик должен приобретать заблаговременно, до охоты.

На первый взгляд ставка сбора за добычу соболя, равная 120 рублям, относительно мала по сравнению с заготовительной ценой шкурки, но необходимо учитывать сезонный и личностный факторы. Сбор охотник должен оплатить до начала сезона охоты, когда его расходы на организацию промысла велики, и уплата охотником 12 тысяч рублей за разрешение на добычу 100 соболей является значительной нагрузкой на его бюджет. А еще он должен оставить денег семье на время своего пребывания в тайге, и неизвестно, насколько успешным будет промысел. А еще и специфика менталитета промысловика, который, боясь спутнуть фарт, ничем не выдаст своих надежд на удачный сезон. Вот и берут разрешения на добычу заведомо меньшего числа соболей, как пропуск в угодья.

ЧЕМ ЭТО ГРОЗИТ?

Безоглядное наращивание объемов и продажи, и добычи пушнины соболя в течение последних лет уже дало свои отрицательные последствия – и в экономическом плане, и, возможно, в экологическом.

Экономические последствия. Объем продажи пушнины соболя и средняя цена за шкурку в течение последних 14 лет демонстрировали общую тенденцию к росту. Начиная с 2010 года рост и объемов продаж, и цен стал взрывным и в 2013 году достиг исторического максимума. Было продано без малого 700 тысяч шкурок при средней цене двух аукционов \$236,8 за шкурку.

Результат двукратного роста предложения и продажи за столь короткий период не заставил себя ждать. В январе 2014 года на 193-м МПА средняя цена за шкурку снизилась до \$164,11 (или на 31%), а в апреле, на 194-м МПА, цена упала до \$128,8. Средняя цена 193-го и 194-го МПА составила \$136,8, снизившись по сравнению с предыдущим годом на 42,2%. Обвал цен оставил без заработка сотни мелких предпринимателей, занимающихся скупкой пушнины у охотников и приобретавших шкурки в ноябре 2013 – январе 2014 годов, исходя из ценовых ожиданий, основанных на результатах аукционов 2013 года.

Экологические последствия. В 2013 году на аукционы было выставлено всего 719 129 шкурок. На 193-м и 194-м МПА, на которых реализовывалась пушнина дикого соболя, добытого в сезон 2013-2014 годов, было выставлено 551 926 шкурок. Падение 23,3% – и этот факт настораживает.

Охотники планировали промысел в ожидании высоких цен, основываясь на итогах аукционов 2013 года. В условиях перспективы высоких закупочных цен общее промысловое усилие возросло. Несмотря на это, произошло падение добычи почти на четверть. По результатам одного сезона утверждать что-либо рано, но значительное падение объемов добычи при высоком уровне промыслового усилия может явиться сигналом о начале депрессии популяции, вызванной чрезмерной промысловой нагрузкой.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Любая промысловая нагрузка на популяцию есть производное интенсивности промыслового усилия и продолжительности этого промыслового усилия. Очевидно, что попытка регулировать промысел, изменяя интенсивность промыслового усилия установлением квот и лимитов добычи и выдачей разрешений, не удастся из-за невозможности хоть сколько-нибудь эффективно контролировать их соблюдение.

Зачем тратить время и средства на получение фантастических результатов учетов численности, на установление никем не соблюдаемых лимитов и квот и на сбор данных о якобы фактической добыче соболя? Управлять процессом промысла соболя нужно сроками промысла и порядком реализации добытой на промысле пушнины.

Для этого надо вывести соболя из перечня видов, добываемых в соответствии с лимитом, и отменить в отношении него разрешительную систему как бессмыслицу. Вместо нее предлагается следующая простая и, как нам представляется, эффективная схема:

– устанавливается срок охоты на соболя в конкретном субъекте Федерации или регионе, исходя из условий конкретного года;

– вводится порядок, при котором поступать в продажу от охотника и следовать далее по всей цепочке шкурка может, только будучи снабжена несъемной пластиковой меткой, на поверхности которой в виде надписей или штрих-кода указаны вид животного, год добычи и код субъекта Федерации. Внутри каждой метки может быть запечатан микрочип с той же информацией;

– метки приобретаются охотником по окончании сезона охоты на соболя в необходимом количестве в заявительном порядке. Оплата меткой и будет де-факто платой государства за добычу необходимого количества соболей;

– метки должны быть приобретены не позднее трех недель после окончания сезона охоты на соболя;

– пушнина может быть продана охотником только при наличии таких меток на каждой шкурке.

Конструкция метки должна исключать возможность снятия без нарушения ее целостности. Метка должна будет оставаться на шкуре до стадии выделки, обеспечивая возможность быстрой идентификации пушнины. Наиболее перспективным, недорогим и эффективным вариантом будет использование радиочастотных меток (RFID – Radio Frequency Identification).

Подобная практика более двух десятилетий успешно существует в США и Канаде, где металлические и пластиковые пронумерованные одноразовые метки используются в качестве подтверждения разрешения на добычу дичи, в том числе и пернатой, и некоторых видов пушных зверей.

Предлагаемые меры позволят:

– эффективно регулировать промысловую нагрузку на разные популяционные группировки соболя, изменяя продолжительность сезона охоты на него в регионах;

ПРИМЕР
НЕСЪЕМНОЙ
РАДИОЧАСТОТНОЙ
МЕТКИ (БИРКИ)

ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕСЪЕМНОЙ РАДИОЧАСТОТНОЙ МЕТКИ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ДОБЫТЫХ РЫСЕЙ В КАНАДЕ

– получать точные сведения о добыче, а значит, и представительные данные о состоянии запасов соболя и ряда иных пушных видов в каждом регионе;

– минимизировать рынок пушнины, добываемой сверх лимита и легализуемой посредством получения ветеринарных свидетельств;

– пресечь легализацию незаконно добытой пушнины как якобы закупленной у представителей КМНС;

– прекратить практику промысловой охоты под видом традиционной охоты без оплаты за де-факто коммерческое использование государственного ресурса. Представители КМНС смогут и далее свободно добывать соболя для личного потребления, но для продажи пушнины им будет необходимо приобрести метки и тем самым оплатить сбор за добычу соболей.

ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО НУЖНО?

В прежние и уже давние времена пушной промысел, и в первую голову промысел соболя, имел для бюджета российского государства ключевое значение, а сейчас?

Опросы населения таежных поселков Хабаровского края в 2000-х годах показали, что для 75% опрошенных доля дохода от всех видов таежного промысла составляла не менее половины семейного бюджета, а для 20% – была его основной частью. Роль соболиного промысла в современной России не столько экономическая, сколько социальная. Охотничий промысел – это самая распространенная, а порой единственная форма легальной зимней занятости мужской части населения таежных деревень и поселков. Это форма природопользования, поддерживающая существующую социальную структуру таежных сел и препятствующая маргинализации и алкоголизации населения. Но это еще не все. Перераспределение доходов от экспорта пушнины дает более-менее достойный заработок, что удерживает людей в местах проживания. А значит, пушной промысел является важным геополитическим фактором, обеспечивающим присутствие экономически активного русскоязычного населения в сельской местности Сибири и Дальнего Востока. Ни для кого не секрет, что если это население уйдет, то пришельцы с другого берега Амура с удовольствием и в большом количестве заполнят опустевшие территории.